

СЕРГЕЙ КЛЮХИН

НОМО MEDIA

ОТ КОСТРА ДО АЛГОРИТМА

Сергей Ключин

**Номо media. От
костра до алгоритма**

«Автор»

2026

Клюхин С. В.

Номо media. От костра до алгоритма / С. В. Клюхин — «Автор», 2026

Мы привыкли думать, что медиа – это газеты, радио, телевидение, соцсети и цифровые платформы. Но человек начал создавать общую картину мира гораздо раньше – у первобытного костра, в ритуале, храме, публичной речи, проповеди и печатном слове. Первая часть трилогии «Номо media» показывает, как человек постепенно оказался внутри медиа: от древних способов удерживать внимание и передавать смысл – до рекламы, PR, массового телевидения, цифровых платформ и алгоритмических лент. Это книга не о технологиях самих по себе. Она о человеке, чьё представление о реальности всё чаще складывается из того, что ему показали, объяснили, повторили, подсветили и поставили перед глазами. За внимание человека боролись всегда. Менялись только инструменты. Сегодня реальность уже не навязывают напрямую – её собирают под нас.

© Клюхин С. В., 2026

© Автор, 2026

Сергей Ключин

Homo media. От костра до алгоритма

ВСТУПЛЕНИЕ

Кто такой Homo Media

Медиа долго воспринимались как нечто внешнее по отношению к человеку. Газету можно было отложить, радио или телевизор – выключить. Между повседневной жизнью и потреблением информации сохранялась хотя бы видимая граница.

Сегодня эта граница почти исчезла. Через медиа мы узнаём о происходящем, поддерживаем отношения, восстанавливаем прошлое, оцениваем других и создаём представление о самих себе. Медиа сопровождают нас в работе и отдыхе, участвуют в принятии решений, хранят память и подсказывают, на что обратить внимание. Часть собственного опыта мы уже воспринимаем через его возможное цифровое продолжение – фотографию, публикацию, комментарий или реакцию других людей.

Homo Sapiens стал Homo Media. Это не новый биологический вид, а форма существования современного человека, для которого медиа стали средой восприятия и обитания.

Повседневная жизнь Homo Media разворачивается внутри непрерывного обмена сообщениями, образами и оценками. Отношения выстраиваются в цифровом пространстве, репутация складывается из оставленных в сети следов, а внимание направляют системы, устройство которых он не понимает и даже не видит. Речь идёт уже не только о способах получения информации. Среда коммуникации участвует в формировании памяти, самооценки, поведения и выбора человека. Homo Media не просто пользуется медиасредой, он живёт по её правилам и постепенно привыкает считать эти правила естественными и единственно возможными.

Так ли это хорошо, и есть ли способ не превратиться в биологического робота, придатка электронной системы, остаться человеком в эпоху алгоритмов?

Об этом мы размышляем в данной книге.

ГЛАВА 1. ПИАР ДО ПОЯВЛЕНИЯ МЕДИА

Археология смысла: как люди учились управлять вниманием

Мы привыкли думать, что пиар (PR, public relations, связи с общественностью) – это изобретение медиаиндустрии XX века, но, если отбросить словарь современности, окажется: человек начал заниматься пиаром задолго до цивилизации. Пиар родился не в эпоху газет как технология, а в эпоху первобытных костров как инстинкт.

То, что мы сегодня называем пиаром, у наших далёких предков жило в крови, в дыхании, в потребности объяснять непонятное и удерживать рядом тех, без кого невозможно выжить. Слово «пиар» ещё не существовало, но функция уже работала.

Первобытное племя держалось не только на мускулах вожака, но и на согласованном представлении о мире. Но как добиться общей веры, если нет языка, нет письменности, нет медиа? Одним способом: через коммуникацию в её изначальной форме – через жесты, ритуалы, общие эмоциональные переживания, которые позволяли людям синхронизировать восприятие и превращали группу отдельных «я» в монолитное «мы».

Из этой ранней практики совместного переживания позже вырастут речь, письменность, искусство, религия и медиа.

Но главное – человек открыл для себя силу внимания. Он осознал, что когда десятки людей смотрят туда, куда указывает один – возникает власть; когда сотни повторяют единый

ритуал – возникает общество; когда тысячи принимают единую трактовку происходящего – возникает культура.

С тех пор изменилось всё: инструменты, скорость, масштабы. Но суть осталась прежней: человек живёт в мире смыслов. Если отбросить современные термины и привычные инструменты, мы увидим простую истину: пиар не был изобретён, он произошёл из самого способа человеческого существования. Каждая эпоха лишь переодевала его в новые одежды.

Сегодня мы живём в эпоху алгоритмов и цифровых платформ, но, чтобы понять современный мир, нужно вернуться туда, где смысл был первичнее слов, а доверие – важнее логики.

Ритуал как инструмент коллективной синхронизации

Прежде чем появились тексты и СМИ, у человечества была всего одна надёжная технология передачи смысла – ритуал. Он родился в мире, где не было слов, но уже были страх, надежда и необходимость держаться вместе.

Ритуал не был украшением быта – он был его каркасом. Когда люди собирались вокруг костра, начинали двигаться в одном ритме, повторять одни и те же жесты, они входили в состояние единства. Ритуал синхронизировал всё: дыхание, сердцебиение, внимание, страхи и надежды. Группа переставала быть набором отдельных «я» и превращалась в единый живой организм.

Мы и сегодня чувствуем этот эффект, даже не называя его ритуалом: когда на стадионе делаем «волну» или встаём под звуки гимна. Формы меняются, но задача остаётся прежней – привести людей в одно эмоциональное состояние.

В древности повторение означало истину. Если действие совершалось снова и снова, каждый день, каждый год, в каждой семье, его необходимость переставала подвергаться сомнению. Правда превращалась в привычку, привычка – в норму, норма – в закон. Те правила, которые мы сегодня считаем естественными, когда-то были закреплёны именно ритуалом.

Ритуал использовал всё, что воздействует на чувства: музыку, запахи, огонь. Каждый его элемент был продуман так же тщательно, как сегодня продумываются свет, сценография и музыкальное сопровождение на презентации нового продукта. Ритуал был первым театром, где люди учились не понимать жизнь, а переживать её вместе.

Ритуал не объяснял – он показывал. Он говорил: «Вот кто мы. Вот как мы живём. Вот что для нас свято». Это был код идентичности, который внедрялся не через слова, а через действие. В этом смысле ритуал можно считать одной из древнейших форм общественного влияния: он вовлекал, создавал общую эмоцию и превращал личное переживание в коллективное.

Современный PR делает то же самое: создаёт события, использует символы, работает с эмоциями, формирует доверие. Просто сегодня у нас есть пресс-релизы и соцсети, а тогда были костры и ритуальные пляски.

Храм как первое медиа

Если ритуал был действием, то храм дал этому действию устойчивое место, форму и порядок.

Храм (капище, дохристианский храм) возник не как украшение веры и не как эстетический объект, он возник из необходимости удерживать общее внимание и закреплять общую картину мира в пространстве. Здесь мысль получала материальную форму: её можно было увидеть в камне, свете, проходах, запретах и границах.

В древнем обществе храм не был просто местом для молитвы. Это было пространство, в котором вера, власть, память, страх, надежда и подчинение собирались в одну цельную конструкцию. Храм не только служил богам – он организовывал человека.

Здесь всё имело значение: высота колонн, тьма и свет, запахи, блеск золота, тяжесть камня, тишина, интонация молитвы, порядок движения, одежда жрецов, расстояние между священным и обычным. Архитектура здесь говорила не меньше слов. Она внушала: ты вошёл в мир, который больше тебя; здесь есть иерархия; здесь есть допуск и запрет; здесь находится источник истины, к которому у тебя нет прямого доступа.

Храм был визуальной коммуникацией в чистом виде. Человек входил внутрь и самым телом понимал: здесь не спорят, здесь слушают. То, что мы сегодня называем дизайном среды, брендингом пространства, визуальной айдентикой, родилось именно здесь. Храм был медиа-контентом, созданным в камне.

При этом храм не был местом получения информации – он был местом интерпретации. Сюда приходили не за новостями, а за ответами на главные вопросы: почему это случилось, что это значит, как нам теперь жить, кому подчиняться, во что верить. Там, где стоял храм, находился центр смысла. Как впоследствии первые полосы газет, телеканалы или официальные сайты – храм концентрировал внимание и задавал рамки восприятия реальности.

В храме появилась фигура, без которой не существует ни одно медиа – человек, декларирующий значение, жрец.

Жрец стал первым редактором общественного сознания. Он отбирал смыслы, расставлял акценты, утверждал интерпретации. Если он говорил: «Это знак свыше», хаос мира превращался в осмысленный порядок. Жрец толковал природные явления, утверждал правила поведения, хранил память племени, поддерживал единство. Так появилась древнейшая версия постулата «важен не сам факт, а его значение для нас».

Храм формировал коллективную чувствительность. Он собирал вокруг себя общество. Там, где строился храм, появлялся город. Вокруг города складывалась власть, вокруг власти – государство. Разрозненные люди становились политическим телом не только через силу, но и через общий смысл.

Если вначале коммуникация была инстинктом, то храм превратил её в общественный институт.

Империи как машины коммуникации

Когда племена стали объединяться в государства, возникла новая проблема: как управлять людьми, разбросанными на сотни километров.

Пока племя мало, вождь может общаться с каждым лично – голосом, жестом, взглядом. Но когда территория растягивается на сотни километров, а людей становится столько, что их уже невозможно собрать у одного костра, власть сталкивается с естественным ограничением: она не может быть везде и сразу.

Вот тогда рождается понимание того, что делает империи империями: власть держится не копьями и мечами, а потоком сообщений.

Армия может защитить территорию от внешнего врага, но внутри государства людей удерживает коммуникация. Потому что человек подчиняется не силе как таковой, а смыслу этой силы: вере в порядок, страху перед наказанием, привычке признавать центр власти.

Империя Ахеменидов – древнее государство, раскинувшееся в VI – IV веках до н.э. на территории Передней Азии и северо-восточной Африки – была огромной, но, несмотря на размеры и этническое разнообразие, просуществовала довольно долго – около двух столетий. И секрет такого долголетия не в карательной системе и мощной армии. Властитель Дарий I стянул империю воедино сетью дорог, станций со сменой лошадей, охраняемых маршрутов, сетью курьеров, которые несли власть на огромных для того времени скоростях. Там, в Персидской империи, и появилась первая в мире скоростная информационная сеть.

Послание, которое раньше шло неделями, стало доходить за дни. Благодаря этому государство знало, что происходит на окраинах, где зреет недовольство, где нужна армия, где пора менять наместника. Государство начинало видеть себя, а империя становилась управляемой. Ведь власть – это, в первую очередь, способность реагировать раньше, чем начался пожар. Именно поэтому империи держатся не только на силе и золоте, не менее важны информационные артерии: кто быстрее узнаёт – тот раньше реагирует, кто раньше реагирует – тот остаётся незыблем.

Империи держались на дорогах так же, как современные системы держатся на каналах связи. Дорога – это транспортировка смысла. Кто владеет дорогами, переправами, мостами – тот владеет темпом реальности. Персидская почта, царские указы, публичные надписи создавали систему доставки информации, формирования повестки, управления интерпретациями.

Римляне говорили: «Все дороги ведут в Рим». В этой фразе не только география, но и логика управления: дороги ведут не просто в столицу – они ведут к центру управления вниманием. Тот, кто контролирует пути сообщения – контролирует общественное мнение, кто контролирует общественное мнение – контролирует власть.

В XXI веке данный принцип возвращается в иной форме: политическая и социальная власть всё чаще зависит от контроля над каналами связи, скоростью распространения сообщений и правом первым предложить их смысл.

Как управлять временем?

Письменность изменила человечество сильнее, чем колесо и железо. Потому что, если колесо дало движение телу, письменность – движение смыслу.

Пока общество живёт в устной культуре, решающее значение имеют свидетели, рассказчики – те, кто помнят и могут повторить. Когда возникает письмо, появляется возможность отделить сообщение от говорящего.

Когда человек научился фиксировать происходящее знаками, власть получила в свой инструментарий нечто принципиально новое: возможность управлять не только пространством, но и временем.

Человек доверяет написанному больше, чем услышанному – это глубинная особенность мышления. Написанное слово воспринимается более надёжным, чем устное. Не потому, что оно всегда правдивее устного, а потому, что оно кажется более защищённым от искажений.

Произнесённое можно забыть, написанное можно перечитать, предъявить, на него можно сослаться. Возникает одна из важнейших иллюзий цивилизации: если что-то записано, значит, это ближе к истине.

На этой основе появляются своды законов, священные книги, хроники. Вместе с ними возникает новая возможность – управлять не только текущим общественным мнением, но и коллективной памятью. Потому что общество помнит не всё, что произошло, а только то, что получило устойчивую форму. История зависит от отбора, важно: что сочли достойным записать, кто получил право фиксировать события, чья версия была сохранена, а чья растворилась вместе с голосами проигравших.

Не случайно летописец стал одной из самых влиятельных фигур древнего мира. Ведь он не просто записывал события – он решал, какие именно события заслуживают быть записанными. Выбор важного есть одна из древнейших форм управления смыслом.

В мире без альтернативных источников летописец не столько наблюдал историю, сколько собирал её будущую версию. Его перо определяло, что узнают следующие поколения, как они будут понимать прошлое и на чьей стороне окажется правда.

Летопись никогда не была нейтральной, она запечатлевала не реальность, а версию реальности. Ту самую версию, которая должна была пережить поколения и выглядеть как единственно возможная.

Правители древности быстро поняли, что управлять событиями сложно, управлять людьми – ещё сложнее, а вот управлять тем, какими именно будут помнить события – проще всего.

Поэтому все великие державы вели хроники. Египетские фараоны, ассирийские цари, римские императоры, средневековые монархи знали: история – это не то, что было на самом деле, а то, что оказалось записанным. И если контролировать запись, можно управлять не только настоящим, но и будущим.

«Историю пишут победители», – придумал не Уинстон Черчилль, этому постулату столько же лет, сколько самому человечеству.

Письменность давала власть не тем, кто говорил громче, а тем, чьи записи не сгорели в пламени междоусобиц.

Фиксация события стала важнее самого события. Факт перестал быть тем, что произошло – факт стал тем, что зафиксировано. Через столетия этот принцип будет закреплён в постулате: «того, что не показывали по телевизору, не было в природе».

Сегодня хроника сменила форму, но не сущность. Современный специалист по коммуникациям фиксирует события, отбирает значимое, интерпретирует, формирует цифровой след. Медиа-аналитика – прямой наследник летописца. Она отвечает не на вопрос «что произошло», а на вопрос «что из этого останется».

Пергамент уступил место облачным хранилищам, гусиное перо – клавиатуре, летописание – базам данных и аналитическим отчётам. Изменилась оболочка, но сама борьба за то, что останется в памяти, никуда не исчезла.

Публичность как пространство власти

Цивилизация совершила революцию, когда сместила фокус власти со стен храмов и дворцов на площадь.

Агора в Греции, форум в Риме – это публичное пространство, где человек впервые мог говорить не от имени богов и не от имени царя, а от собственного имени.

Это было рождением светской коммуникации, переходом от сакрального смысла к гражданскому. Власть начала опираться на способность убеждать.

Агора была сердцем греческого города. Здесь не просто проходила жизнь – здесь она обсуждалась. Спорили о войне и мире, принимали законы, судили, слушали философов, обменивались новостями. Успех теперь зависел не только от происхождения или силы, но и от способности говорить убедительно.

Именно здесь родилась риторика – искусство говорить так, чтобы тебя слушали. В Греции умение говорить стало важнее умения сражаться. Афины создали культуру, в которой Перикл, Демосфен, Аристотель были не просто философами или политиками, они были медиафигурами своего времени, которые формировали настроение толпы, а значит – направление развития государства.

Они управляли вниманием, эмоциями, доверием, политическим мнением. Это было тем, что мы сейчас называем PR – управление восприятием через публичную речь.

В античности речь была главным доступом к публичной реальности. Хочешь защитить себя в суде, добиться должности, повлиять на решение – умей говорить так, чтобы тебе верили. Речь была инструментом политики, а не её украшением. Тот, кто не владел словом, выпадал из политической жизни.

С тех пор правило не изменилось: владеешь словом – владеешь людьми. Эту истину, рождённую в Греции, Рим возвёл в абсолют и превратил в систему.

Римский форум стал центром жизни: здесь обсуждали решения сената, проводили выборы, произносили речи, объявляли указы. Форум был одновременно парламентом, судом, газетой, биржей слухов. Римляне понимали: власть – это способность убедить тех, кто слушает. Так появился римский ораторский канон, который лёг в основу всей европейской политической культуры.

На агорах и форумах стало видно: политика состоит не только из решений, но и из образов. Важно, как человек стоит, как говорит, как держит паузу, как реагирует на выкрики толпы. Здесь складывались позиционирование, эмоциональный эффект и борьба за внимание. Публичное пространство становилось живой медиаэкосистемой, где внимание было ограниченным ресурсом, а слово – главным способом занять место в этом пространстве.

Греческая agora и римский форум стали первыми светскими медиапространствами европейской культуры.

Так, за тысячелетия до теледебатов и твитов был сформулирован главный закон публичности: внимание – территория, слово – оружие, побеждает тот, чью историю готовы слушать.

Проповедь как регулярная доставка смыслов

В какой-то момент власть столкнулась с проблемой: как доносить смысл до всех, постоянно и без искажений? Решение этой проблемы родилось не во дворце, а в церкви – в виде проповеди, первого в истории регулярного «эфира».

Это был канал, где смысл распространялся не случайно, а по расписанию, не для избранных, а для всех, кто пришёл. И это навсегда изменило механику влияния.

Каждую неделю, в один и тот же день, в один и тот же час люди собирались, чтобы услышать ответ на главные вопросы: как жить, что правильно, что грешно, за что страдать, во что верить.

Это была первая система массовой контент-дистрибуции. Сообщение шло не от частного лица, а от института; не по случаю, а по календарю.

Сегодня это называется: регулярный выпуск, подписка, обязательный контент. Тогда это называлось – церковь.

Проповедник был не просто священником. Он был главным редактором реальности для своей паствы. Он интерпретировал тексты, разбирал «новости» общины – рождения, смерти, конфликты – устанавливал моральные рамки, формировал картину мира. Он был ведущим еженедельного шоу, лидером мнений, психологом и учителем. У него были свои рейтинги – количество прихожан. Одно его слово могло изменить судьбу.

Собрание в храме – древнейшая форма массового просмотра. Оно работало по тем же законам, что и сегодняшняя лента новостей или YouTube: одно и то же место (платформа), узнаваемый формат (шоу), предсказуемая структура (сценарий), коллективный опыт (чат), эмоциональное единение (лайки). Проповедь достигала цели не потому, что была умной, а потому, что была коллективным переживанием. А общая эмоция – самый прочный клей для убеждений.

Главный секрет проповеди – не в ораторе, а в расписании. Повторение создавало три эффекта: привычку (мозг принимал формат как норму), доверие (регулярность рождала авторитет) и запоминание (смысл въедался в память). Проповедь показала: чтобы смысл стал правдой для миллионов, его не нужно доказывать, его нужно регулярно повторять.

Проповедь создала формулу, которую унаследуют все массовые медиа: регулярность + ритуал + доверие = норма.

Гутенберг: как технологии взорвали монополию на смысл

До середины XV века смысл был тяжёлым. Его перевозили в телегах, хранили за семью замками, переписывали годами. Он принадлежал не людям, а институтам: архивам, монастырским скрипториям, дворам правителей.

Знание было не просто редким, оно было закрытым. И этим закрытым знанием управляли элиты. Так продолжалось до тех пор, пока не появился человек, который сделал со смыслом то, что спустя столетия в ещё большей степени сделает интернет – лишил смысл элитарности, умножив тираж и обрушив цену доступа. Этого человека звали Иоганн Гутенберг.

Печатный станок стал технологией, позволившей смыслу двигаться быстрее власти. Это был информационный взрыв: не из-за содержания контента, а из-за скорости и масштаба распространения.

Тексты перестали переписываться годами – их начали штамповать за часы. Книга перестала быть реликвией и стала товаром. Знание перестало быть тайной и стало потоком. Чтение перестало быть привилегией избранных. Европа впервые получила массового читателя, а массовый читатель – это всегда политический фактор.

Однако текст жаждал не только тиража, он жаждал актуальности. Так книга породила свою стремительную тень – газету. Появились новостные листки, брошюры, «реляции». Они рассказывали о событиях, легитимизировали слухи, формировали общее мнение, создавали повестку дня. Постепенно укреплялась новая идея: если событие можно напечатать и распространить, оно становится реальностью для всех.

Информация перестала быть только локальной: люди в разных местах начали читать одни и те же тексты и обсуждать одни и те же события. Так складывалось общее информационное поле.

Когда тексты начали массово копироваться, произошло нечто новое – идеи начали сталкиваться друг с другом. Монополия на объяснение мира начала рушиться. Не потому, что авторитеты ослабли, а потому, что смысл перестал принадлежать только им.

Там, где конкурируют смыслы, неизбежно появляется сомнение, за сомнением – выбор, за выбором – критическое мышление. Европа начала выходить из режима «так сказал авторитет» в режим «что из этого мне кажется убедительным». Так родилось общественное мнение – не как голос толпы, а как результат сравнения смыслов.

Гутенберг по праву может считаться подлинным отцом Реформации – масштабного религиозного переворота XVI века, когда Европа раскололась на католиков и протестантов. Это движение было не просто религиозным конфликтом, а настоящим технологическим сбоем старой системы контроля.

Знаменитые 95 тезисов Мартина Лютера, немецкого священника, выступившего с критикой католической церкви, сами по себе не были революционными – революционным оказался способ их распространения.

Их печатали на только что изобретенном печатном станке, размножали тысячами копий, читали вслух на площадях, горячо обсуждали. Идея двигалась быстрее, чем власть успевала реагировать.

Церковь столкнулась с тем, что смысл невозможно удержать под контролем, интерпретацию – запретить, а аудитория из пассивных слушателей превратилась в участников обсуждения.

По современным меркам это чистый пример вирусного контента, который разрушил институциональную монополию на истину. Гутенберг изобрёл не просто станок, он создал инфраструктуру свободы. С этого момента власть больше не могла полагаться только на авторитет. Ей пришлось бороться за доверие.

Именно здесь начинается современный мир коммуникаций – мир, в котором смысл живёт не под охраной во дворце или храме, а там, где к нему имеют доступ людские массы.

Карнавал и памфлет: голос безвластных

Пока жрецы служили в храмах, летописцы писали хроники, а императоры рассылали указы, на площадях и улицах происходило нечто иное. Там смеялись.

Смех – оружие, которое невозможно конфисковать. Там, где есть власть, всегда рождается её тень – карнавал, пародия, анекдот, слух. Это альтернативная коммуникация, которая не требует разрешения, не просит аудиенции и не ждёт цензора. Она возникает сама – как дыхание, как способ сохранить себя в мире, где все смыслы уже распределены.

Сатурналии в Риме: перевернутый мир. Римляне, создавшие безупречную машину власти и права, раз в год позволяли себе роскошь её отменить. На Сатурналии рабы и господа менялись местами. Раб мог сесть за стол хозяина, командовать им, говорить ему правду в лицо. Это длилось несколько дней, а потом порядок восстанавливался.

Долгое время историки видели в этом просто праздник. Но Сатурналии были глубже: они были клапаном, стравливающим пар. Карнавал не отменял власть, но делал её на несколько дней смешной. А смешная власть перестаёт быть абсолютной. Римляне интуитивно понимали то, что позже сформулируют психологи: если смех разрешён, бунт становится не нужен. Карнавал – это прививка от революции.

Средневековье: карнавал как вторая реальность. В средневековой Европе, где церковь контролировала каждый вдох, карнавал был территорией свободы. На несколько недель в году мир переворачивался: шут становился королём, осёл нёс Святые Дары, месса превращалась в пародию. Церковь это терпела. Более того – встраивала в календарь.

Потому что карнавал выполнял функцию, которую не могла выполнить проповедь: он напоминал, что даже самый жёсткий порядок – не навсегда. Что за пределами иерархии есть стихия, где все равны. Человек, посмеявшийся над епископом на карнавале, возвращался в церковь с чистой душой и готовностью снова подчиняться. Карнавал был громоотводом.

Но была и другая сторона. Там, где карнавал запрещали или где он выходил за рамки, рождался протест. Карнавальная культура питала ереси, бунты, народные восстания. Потому что, однажды перевернув мир в игре, люди начинали задаваться вопросом: а почему только в игре?

Памфлет: бумага, которая кусается. С появлением печатного станка у смеха появилось новое оружие – бумага.

Памфлет – это карнавал, перенесённый на страницу. Там, где цензура запрещала говорить прямо, говорили намёками, пародией, гротеском. Реформация в Германии, гражданские войны в Англии, Фронда во Франции – всё это сопровождалось потоками листовок, в которых королей рисовали с ослиными ушами, пап римских – в аду, а министров – в непристойном виде.

Памфлет был страшнее меча. Меч убивает тело, памфлет убивает репутацию. А в политике репутация – это часто всё, что у тебя есть.

Генрих VIII, разрывавший отношения с Римом, не только издавал указы – он нанимал лучших памфлетистов Англии, чтобы те высмеивали папу. Кромвель побеждал не только железными боками, но и перьями памфлетистов, которые делали его дело понятным и желанным для обывателя. Памфлет был партизанским PR – дешёвым, быстрым, ядовитым.

Анекдот: последнее оружие бессильных. В тоталитарных системах XX века, где пресса была стерилизована, а публичная критика невозможна, анекдот стал главным каналом правды.

Анекдот нельзя запретить. Он передаётся шёпотом, живёт в очереди за колбасой, в курилке, на кухне. Он не оставляет следов. Но именно анекдот разрушал образ непобедимой власти эффективнее любых диссидентских манифестов. Потому что манифест власть может

проигнорировать или объявить преступлением, а анекдот она слышит везде и не может ничего сделать. Анекдот – это смысловая партизанская война.

Брежнев в анекдотах, Сталин в анекдотах, Гитлер в анекдотах – они становились не титанами, а персонажами комиксов. А комиксам не подчиняются. Их власть заканчивается там, где начинается смех.

От карнавала до мема. Сегодня карнавал переехал в интернет. Мемы – это та же сатурналия, только длящаяся не пять дней в году, а ежедневно. Каждый может на пять минут стать шутком, перевернуть любую новость, высмеять любого лидера.

Политики научились играть в эту игру. Они уже не борются с мемами – они пытаются их возглавить, встроить в свой PR, стать «своими» на карнавале. Но карнавал тем и опасен, что он никому не принадлежит. Сегодня он смеётся с тобой, завтра – над тобой.

Карнавал, памфлет, анекдот, мем – это коммуникация без хозяина. Она не требует бюджета, не имеет штаб-квартиры, не подчиняется стратегии. Она возникает там, где официальный смысл перестаёт убеждать. И она всегда – диагноз власти.

Потому что, если над властью смеются, значит, ей уже не молятся. А без молитвы любая власть – просто люди с бейджиками.

Однако смех – это реакция, а не программа. Он указывает на трещину, но сам её не заполняет. История коммуникации не исчерпывается голосами тех, кто бунтует, пародирует, высмеивает. Есть и другой, более мощный и сложный слой: те, кто создают доверие. Те, кому молятся. Те, чьи слова становятся законом, чьи ритуалы – порядком, чьи интерпретации – реальностью.

Если карнавал – это голос снизу, то великие коммуникаторы – это архитекторы сверху. Не в смысле иерархии, а в смысле функции: они строят ту самую ткань доверия, внутри которой становится возможной любая власть, любая вера, любое общество. Пророки, возвещающие волю неба, жрецы, превращающие откровение в ритуал, философы, учащие сомневаться, советники, продающие влияние, идеологи, приземляющие сакральное, спин-докторы, превращающие истину в товар – все они звенья одной цепи, цепи, которая тянется от первобытного костра до цифрового алгоритма.

В следующей главе мы посмотрим, как власть обретала силу. Как из хаоса рождался порядок, из страха – вера, из множества голосов – единство. Как люди учились доверять – и как те, кому доверяли, учились управлять этим доверием.

Это будет история того, как выстраивалась реальность, в которой мы теперь живём. Её героями станут пророки и жрецы, философы и идеологи, советники и политтехнологи. Не потому, что они всегда были правы, а потому, что они понимали главное: тот, кто управляет доверием, тот управляет миром.

ГЛАВА 2. ВЕЛИКИЕ КОММУНИКАТОРЫ

Власть без оружия: эволюция веры, разума и манипуляции

Ход истории принято объяснять через силу: армии, законы, насилие, подкуп, манипуляции. Нам привычно думать, что миром управляют те, у кого больше ресурсов и больше возможностей заставить. Но это только внешняя сторона власти. Под ней всегда лежит другая реальность – более тихая и потому более опасная: миром управляют те, кому верят.

Армия может занять город. Закон может удержать порядок. Страх может заставить человека замолчать. Но ни армия, ни закон, ни страх не могут надолго заменить доверие. Только доверие превращает внешнее принуждение во внутреннее согласие. Только оно заставляет человека принять чужую картину мира как свою собственную. Только оно делает подчинение не унижением, а нормой, не насилием, а естественным ходом вещей.

В этом смысле история человечества – не только летопись войн, реформ и переворотов. Это ещё и история того, каким голосам верили, чьи объяснения становились реальностью.

Кризис власти почти всегда начинается не с бунта, а с утраты доверия. Не с выстрелов, а с момента, когда сказанное сверху перестают принимать в качестве истины.

Вот почему настоящая власть связана не столько с производством событий, сколько с производством доверия. События важны, но ещё важнее обладать правом объяснять, что они означают. Люди живут не внутри фактов, а внутри объяснений.

Падение метеорита для одного будет знаком небесного гнева, для другого – частным случаем астрономии, для третьего – темой для вирусного ролика, для четвёртого – строкой в аналитическом отчёте. Сам факт не меняется. Меняется его трактовка. Но вместе с трактовкой меняется всё: эмоции, выводы, реакции, политические следствия, общественная память.

Доверие никогда не было неподвижным.

История доверия – это история смещения авторитета. В сакральном мире человеку говорили: верь, потому что так сказано свыше. В рациональную эпоху: верь, потому что это выдерживает проверку вопросом и аргументом. В идеологическую эпоху: верь, потому что это выражает волю истории, народа, класса или нации. В медийную эпоху: верь, потому что это напечатали, передали в эфир, показали. В цифровую эпоху: верь, потому что это подтверждено метриками, рейтингами, выдачей, рекомендациями и поведением других людей.

Именно здесь скрывается опасность. Человек может спорить с жрецом, не соглашаться с философом, заподозрить политика в манипуляции. Но как спорить с безличной системой, которая не кричит, не агитирует и не убеждает, а просто оформляет одну версию мира как единственно видимую, а значит – единственно возможную?

Так возникает новая форма власти – власть архитектуры восприятия.

Сегодня доверие проектируют, собирают, настраивают и доводят до нужного уровня социальной убедительности. Платформы решают, какое мнение выглядит авторитетным. Алгоритмы ранжируют версии реальности по их будущему влиянию. Метрики подсказывают, чему уже поверили другие. И человек, сам того не замечая, всё чаще доверяет не аргументу, не личности, а уже готовому решению.

Коммуникация давно перестала быть простой передачей данных. Она работает с доверием: влияет на поведение масс, задаёт границы допустимого и определяет, что будет воспринято как реальность, а что останется на периферии общего внимания.

Формы доверия меняются вместе с их носителями, языками, институтами и технологиями. Но общий принцип остаётся устойчивым: тот, кто управляет доверием, влияет не только на мнение. Он влияет на картину мира, внутри которой это мнение вообще становится возможным.

Поэтому история великих коммуникаторов – не приложение к истории власти, а её скрытый позвоночник. Жрецы, пророки, философы, советники, идеологи, партийные вожди, спин-докторы, телеведущие и алгоритмы занимались разными вещами, говорили на разных языках и служили разным системам. Но все они боролись за одно и то же право – быть источником доверия.

Власть – это не когда тебя боятся. Власть – это когда тебе верят.

Эпоха сакрального доверия

Самая ранняя и самая прочная форма доверия в человеческой истории была сакральной.

Человек входил в мир, где ещё не существовало науки в современном виде, независимой экспертизы, конкуренции источников. Стихии приходили без предупреждения, болезни не имели объяснения, смерть стояла рядом, а граница между порядком и хаосом казалась тонкой и ненадёжной.

В таком мире доверие рождалось не из силы аргумента, а из происхождения смысла. Если смысл приходил свыше, его не проверяли. Его принимали.

Так возникла первая великая система власти: авторитет того, кто говорит не от себя, а от имени Абсолюта. Человек может спорить с другим человеком, но бессилён перед тем, кто предъявляет не собственное мнение, а высшую волю. В этом случае под вопрос ставится уже не отдельная фраза и не частное решение, а само устройство мира. Сомнение становится не интеллектуальным жестом, а нарушением порядка.

Сакральное доверие оказалось прочным потому, что опиралось не на убедительность, а на неприкосновенность источника. Истина не вырабатывалась в споре, не добывалась исследованиями и не утверждалась процедурами. Она ниспосылалась, открывалась, передавалась и охранялась. Её нельзя было изменить аргументами, потому что любой аргумент стоял ниже её по статусу.

Эта модель потом будет повторяться в разных формах и декорациях: тот, кто говорит от имени чего-то большего, чем он сам, получает власть, многократно превосходящую его личную человеческую меру. Его сила не в богатстве, не в оружии и даже не в красноречии. Его сила в том, что за ним предполагается источник, которому нельзя возразить на равных.

В архаических обществах посредниками между миром людей и миром богов стали жрецы, шаманы, знахари, старейшины. Они знали, как совершить обряд, как читать знамения, как задобрить духов, как сохранить связь с предками. Их власть держалась на традиции и на знании того, что «так делали всегда». Жрец не изобретал новое. Он хранил форму.

С развитием первых цивилизаций эта фигура становится институтом. Вокруг неё возникает храм – первое специализированное пространство для производства и трансляции смысла. Жрецы следят за календарями, определяют время сева и жатвы, совершают обряды, толкуют сны и знамения, поддерживают связь между властью, богами и общиной.

В этой системе истина воспринимается как данная раз и навсегда. Она не требует обновления. Напротив, любое изменение кажется угрозой. Жрец – не творец, а хранитель. Он бережёт форму, потому что именно форма удерживает мир от распада.

Но внутри этой, казалось бы, незыблемой системы всегда зреет будущий кризис. Ритуал без живого переживания превращается в формальность. Жречество, сосредоточившее власть и богатство, может забыть, чьими слугами себя называет. Храм становится не местом встречи с божественным, а бюрократической структурой священного.

И тогда возникает фигура пророка.

Пророк появляется не в начале сакральной истории, а в момент её кризиса. Он приходит тогда, когда ритуал становится пустым, храм теряет живую связь с верой, а народ забывает, что именно сделало его народом. Пророк говорит не от имени института, а от имени непосредственного откровения. Он может звать назад, к истокам, или вперёд, к новому завету. Но в любом случае он возвращает в систему энергию живого смысла.

Моисей, получивший скрижали на Синае, не был жрецом египетского культа. Илия, обличавший поклонников Ваала, противостоял официальному жречеству Израиля. Амос был пастухом, которого Бог призвал пророчествовать, хотя он сам говорил: «Я не пророк и не сын пророка». Все они – люди вне привычной системы, призванные свыше, чтобы эту систему обновить, а иногда и разрушить.

Жрец бережёт форму. Пророк возвращает содержание.

В этом противоречии – диалектика сакральной власти. Пророк даёт системе энергию обновления, но одной вспышки откровения недостаточно, чтобы удерживать веру на протяжении веков. Молния освещает небо на мгновение. Чтобы свет стал постоянным, нужен очаг: канон, ритуал, община, порядок толкования.

И тогда слово пророка снова берёт на хранение жрец – уже новый, служащий новому откровению. Последователи записывают речи, создают канон, устанавливают правила понима-

ния, формируют новую общину. Пророк, который при жизни мог быть гонимым и отверженным, после смерти превращается в святого, а его слова – в священный текст.

Живое переживание застывает в форме. Форма со временем костенеет. Окостенение вызывает новый пророческий порыв. И всё повторяется.

Сила сакральной коммуникации заключалась в том, что она объясняла хаос. Гром становился не просто громом, а голосом разгневанного бога. Засуха – не природным явлением, а наказанием. Удача – не случайностью, а благословением. Мир получал иерархию причин и следствий.

Сакральная коммуникация превращала абстрактный страх в конкретный ритуал, не постижимый хаос – в ясную иерархию, одиночество перед смертью – в чувство принадлежности к большому порядку. Человек доверял сакральному миру не только из страха перед карой. Он доверял ему потому, что внутри этого мира его жизнь переставала быть случайной. Она получала место, смысл и направление.

Именно поэтому такие системы могли существовать тысячелетиями. Они отвечали на самые глубокие человеческие вопросы: откуда я пришёл, зачем живу, куда уйду, почему страдаю, кто мои, кто чужие, что будет после смерти.

Но в какой-то момент в монолитной вере появились вопросы, которые уже нельзя было заглушить одним ритуалом.

Что, если истина не только нисходит, но и добывается? Что, если её можно проверить? Что, если источник смысла находится не только за пределами человека, но и в нём самом?

В разных частях мира этот сдвиг проявлялся по-разному. В Греции – как любопытство философов, усомнившихся в мифах. В Израиле – как протест пророков против обрядовости. В Индии – как внутренний поиск мудрецов Упанишад. В Китае – как этическая мысль Конфуция, поставившая в центр социального порядка человеческий долг, ритуал и нравственное поведение.

С этого момента коммуникация перестала быть только монологом высшего источника. На сцену истории вышел сомневающийся человек. Его оружие – вопрос. Его авторитет – способность мыслить.

Сакральное доверие не исчезло. Оно будет возвращаться снова и снова – в идеологиях, культах личности, вере в историческую необходимость, а сегодня и в доверии к алгоритму как к безличной силе, будто бы стоящей выше человеческих пристрастий. Но первичная трещина уже появилась.

Человек научился спрашивать: почему я должен верить?

От сакрального голоса к человеческому диалогу

Сакральная система была идеальна для мира, который боялся хаоса. Она давала окончательные ответы и не требовала личного выбора. Жрецы хранили порядок, пророки возвращали живую веру, но сама конструкция оставалась незыблемой: истина приходит свыше, её не обсуждают, её принимают.

В этой монолитности была её сила – и её будущая трещина.

Потому что у такой прочности всегда есть обратная сторона: она плохо обновляется. Традиция, объявленная вечной, почти не оставляет места для нового. Но общество усложнялось. Контакты между культурами учащались. Купцы приносили вести о чужих богах, солдаты возвращались из походов с рассказами о невиданных обычаях, города становились местом столкновения разных правил и верований.

Люди видели: в других землях живут иначе и чтят иных богов. Значит, можно спросить: если возможны разные откровения, то где критерий истины? Если египетские жрецы утвер-

ждает одно, а вавилонские – другое, если греки смеются над обрядами персов, а персы не понимают греков, то как узнать, кто прав?

Так начался великий сдвиг. Источник авторитета стал медленно перемещаться с небес на землю. Истина перестала восприниматься как нечто данное раз и навсегда. Человек постепенно осознавал, что истину можно не только принимать, но и искать.

Это был переход от пассивного принятия к активному поиску. Доверие больше не могло быть безоглядным, ему требовалось основание. Возникла потребность не просто слушать, а обсуждать, сомневаться, проверять. Священный монолог уступил место мирскому диалогу.

Формула перелома была проста и разрушительна: если истина не дана – её нужно найти. Если прежде человек был приёмником, настроенным на одну волну, то теперь он должен был стать исследователем, сверяющим разные источники. Доверие перестало быть наследуемым и стало завоевываться. Авторитет перестал быть привилегией происхождения и стал наградой за убедительность.

Так рождалась публичная сфера как пространство конкуренции смыслов. Фигура всезнающего пророка или жреца теряла монополию. Начинался век спорящего гражданина – сомневающегося мыслителя, ищущего собеседника.

Этот сдвиг не отменил веру. Люди по-прежнему ходили в храмы, приносили жертвы, слушали оракулов. Но рядом с сакральным путём к истине возник альтернативный путь, где аргументом стал не статус источника, а сила логики и доказательства.

Оставалось найти метод, который превратит хаотичный спор в инструмент рождения достоверного знания. Нужен был человек, который покажет: сомнение – не слабость, вопрос – не нарушение порядка, диалог – не пустая трата времени, а машина по производству доверия.

Эпоха подготовила своего героя. Им стал не царь, не жрец, не пророк и не полководец, а афинский гражданин, сделавший вопрос искусством.

Мы говорим о Сократе.

Рациональное доверие: Сократ как метод

После тысячелетий сакрального доверия старый мир столкнулся с опасной для него и освобождающей для человека мыслью: истина может быть не только даром небес, но и результатом человеческого мышления.

Так началась революция вопроса как метода.

Сакральный мир держался на вертикали: истина нисходит – истина принимается. Рациональный мир начал строить горизонталь: истина ищется – проверяется – уточняется. Если раньше доверяли прежде всего источнику, то теперь всё большее значение приобретала процедура.

Сократ не приносил откровений. Он создавал ситуации, в которых самодовольная уверенность начинала рассыпаться. Если пророк говорил: «Так есть», Сократ спрашивал: «А почему ты в этом уверен?» Если гражданин утверждал, что знает, что такое справедливость, мужество или добродетель, Сократ мягко, настойчиво и безжалостно доводил его до точки, где знание оказывалось привычной фразой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.